

УДК 81`42

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-9

Чумак-Жунь И. И.¹,
Ковалева С. В.²,
Саенко М. И.³

Лингвопрагматические и лингвокультурные аспекты
детского фольклорного текста

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; *chumak@bsu.edu.ru*

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; *Savvina_S@bsu.edu.ru*

³Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; *marina.saenko.95@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению языка детского фольклорного текста с точки зрения лингвопрагматики и лингвокультурологии. Исследовательское внимание акцентируется на доминантном для детского фольклора жанре – колыбельной песне, а также на ситуативно связанном с ним народном заговоре. Анализ коммуникативного процесса при передаче текстов фольклора позволяет представить, каким образом создается «программа» будущей счастливой жизни ребенка и по каким каналам «транслируются» младенцу характеристики национальной картины мира. Жанровые особенности текстов – позитивные коммуникативные интенции адресанта и специфическая информативность. Сохраняя глубинные исторические связи между поколениями и преемственность их культурных приоритетов и ценностей, жанры детского фольклора передают духовные, нравственные и эстетические ценности как результаты познания мира, закрепляемые в языковых образах и коммуникативном опыте человека.

Ключевые слова: детский фольклорный текст; лингвопрагматика; лингвокультура; текстовое программирование; картина мира

Для цитирования: Чумак-Жунь И.И., Ковалева С.В., Саенко М.И. Лингвопрагматические и лингвокультурные аспекты детского фольклорного текста // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 98-107. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-9

I. I. Chumak-Zhun¹,
S. V. Kovalyova²,
M. I. Saenko³

Linguopragmatic and linguocultural aspects
of a children's folklore text

¹Belgorod State National Research University, 85 Russia, Pobedy St., 85308015,
Belgorod; *chumak@bsu.edu.ru*

²Belgorod State National Research University, 85 Russia, Pobedy St., 85308015,
Belgorod; *Savvina_S@bsu.edu.ru*

³Belgorod State National Research University, 85 Russia, Pobedy St., 85308015,
Belgorod; *marina.saenko.95@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to studying the language of the children's folklore texts from a linguapragmatism and linguaculturology standpoints. Research attention is focused on the dominant genre of children's folklore – the lullaby, as well as situationally related to it folk conspiracy. The analysis of the communicative process in the transmission of folklore texts allows us to imagine how the "program" of the future happy life of the child is created and through what channels the characteristics of the national picture of the world are "transmitted" to the infant. The genre peculiarities of the texts are positive communicative intensions and a specific kind of informative value. Preserving deep historical ties between generations and the continuity of their cultural priorities and values, children's folklore genres convey spiritual, moral and aesthetic values as the results of knowledge of the world, fixed in the language images and communicative experience of man.

Keywords: the children folklore texts; linguapragmatism; linguaculturology; text programming; the perception of the world

For citation: Chumak-Zhun I. I., Kovalyova S. V., Saenko M. I. (2022), "Linguopragmatic and linguocultural aspects of a children's folklore text", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 98-107, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-9

Введение

Современная междисциплинарная научная парадигма направляет вектор развития лингвистики в сторону изучения языковых явлений в диахронной взаимосвязи с культурой, этнографией, историей, а также в синхронных отношениях с коммуникативной ситуацией реализации текстового материала. С точки зрения антропологического анализа, язык не только реализует свою первичную коммуникативную функцию, но и становится репрезентантом культурного опыта человека, элементом формирования и существования культурного кода нации. Культурный код мы рассматриваем, следуя философии Э. Кассирера, как инструмент постижения «символического универсума», составляющими которого являются миф, искусство, религия и язык (Кассирер, 2002: 201). Именно мифологические символы, художественные образы, религиозные обряды и языковые формы становятся ключами для понимания национальных эстетических и моральных идеалов, социальных установок. Процесс «дешифровки» когнитивных единиц и структур национальной картины мира – инкультурация – приводит к формированию языкового сознания носителя культуры.

Модель концептуального анализа традиционного текста, разработанная С.Е. Никитиной (Никитина, 1991), стала основой когнитивного направления современной фольклористики. Поле научного поиска сегодня включает, во-первых, изучение концепта как самостоятельной многомерной смысловой единицы. В работах таких ученых, как Л.А. Ахметова, И.А. Голованов, Е.Н. Ильина, раскрываются особенности интерпретации ключевых для русской культуры понятий «природа», «красота», «чудо» (Ахметова, 2017; Голованов, 2015; Ильина, Карпова, 2019). Исследования описывают систему грамматических, лексических и фразеологических средств репрезентации фольклорных концептов в пространственно-временном аспекте и функциональном развитии. Во-вторых, концептуальный анализ народного творчества может быть реализован на когнитивно-семантическом уровне посредством анализа концептосферы фольклорного дискурса. Так, целью работы Р.Р. Замалетдинова (Замалетдинов, 2004) становится определение этноспецифики языкового отражения концептуальных составляющих материального и духовного мира человека.

Однако современный подход к изучению фольклорного текста подразумевает и прагматико-коммуникативный аспект. Сообщение информации, заключенной в тексте, невозможно без регулирующего воздействия на поведение коммуникантов. При этом реализация определенных намерений и целей, составляющих коммуникативно-прагматический потенциал текста, находится в прямой зависимости от выбора содержания текста, языковых средств его передачи и способов построения смысловых связей (Урумашвили, 2007: 42).

Прагматика фольклорных жанров, таким образом, в работах исследователей показана как реализация особых стратегий поведения, установленных традицией. Д.А. Алексеева и Г.И. Власова, например, в своих статьях особое внимание уделяют функциональной нагрузке текстов, сопровождающих семейные обряды (Власова, 2019), семейные застолья, праздники (Алексеева, 2019). Суггестивный механизм поэзии пестования, трансляция этнических и социокультурных стереотипов в текстах народных колыбельных песен описаны в работе Д.М. Мухамадиевой (Мухамадиева, 2006).

Знакомство с народным творчеством очень важно именно в детские годы, когда процесс формирования характера и представления о собственной идентичности коррелируют с механизмом осознания самобытности и эстетической ценности родного языка, транслирующего исторические, культурологические, аксиологические факты традиционного быта.

Основная часть

Особое место в формировании личности (особенно в части ее национальной идентичности) занимает детский фольклор. Говоря о детском фольклоре, мы должны учесть, что слово *детский* в данном сочетании, в отличие от слова *детский* в сочетании *детская литература*, где речь идет именно о *литературе для детей*, может указывать как на адресанта, так и на адре-

сата коммуникации. Дело в том, что к детскому фольклору в научной литературе традиционно относят и тексты, написанные детьми, и тексты, написанные для детей. Оставив в стороне первую группу текстов, обратимся к тем фольклорным источникам, в которых адресат – ребенок. Так как отдельные жанры детского фольклора преимущественно предназначены для определенных возрастных групп, то особенности конкретного фольклорного текста определяются как жанровой стилистикой, так и возрастом адресата. Как во всяком тексте культуры, в детском фольклорном тексте пересекаются различные прагматические и социокультурные векторы. Так, например, основная (прямая) функция сказки – воспитательная, но коммуникативное задание реализуется в ней через конкретные функции – предупреждение, запугивание и другие. И «внутри» такого предупреждения могут встречаться образы, говорящие, например, о том, что труд и доброта вознаграждаются, а лень и злоба осуждаются (сказки «Морозко», «Хаврошечка»). Такие представления картины мира имеют прагматическую цель – аксиологическое разграничение «плохого» и «хорошего» и практическое познание мира, формирование у ребенка мотивации к труду.

Описывая передачу детского фольклорного текста от отправителя к получателю как коммуникативное событие, имеет смысл использовать в качестве модели схему коммуникативного акта Р.О. Якобсона. Эта модель неоднократно трансформировалась в лингвистических работах в зависимости от предмета описания (Чумак-Жунь, 2009а: 10), но неизменными компонентами ее являются *адресант, текст, код, действительность и адресат*.

Именно в рамках этой модели, как мы полагаем, наиболее адекватно описывается коммуникативное воздействие на адресата. Любая коммуникация, как показал Дж. Остин, осуществляет не только передачу информации, но и намерение говорящего, при помощи которого он пытается достичь определенной цели (см.: Остин,

1999). Данное понятийное «трио» соответствует представлению о том, 1) что говорить, 2) как говорить и 3) для чего говорить. Безусловно, первые два элемента находятся в зависимости от изначальной цели высказывания, поскольку именно она (цель) побуждает адресанта к началу коммуникации. В этом процессе важна не только лингвистическая, но и психологическая сторона, поскольку в ответ на определенное высказывание следует эмоциональный отклик слушателя, который может помочь говорящему достичь желаемого результата общения.

Продемонстрируем специфику прагматических и лингвокультурных составляющих таких жанров детского фольклора, которые условно можно отнести к базовым (колыбельная песня) и факультативным (заговор на здоровье).

Среди широкого разнообразия фольклорной детской поэзии особое место занимают народные колыбельные песни, исполняемые над люлькой с младенцем.

Определим составляющие коммуникативного акта. *Адресант* – мать или человек, ее заменяющий, *адресат* – ребенок, находящийся в особом «просоночном» состоянии, когда к получению любой информации подключается подсознание, *код* – особым образом маркированный язык жанра колыбельных, включающий вербальные элементы национальной картины мира, *действительность* – ситуация убаюкивания ребенка.

Колыбельная песня – «первый чувственный опыт познания» мира, способ общения младенца с окружающей действительностью (Чумак-Жунь, 2009b: 104). Именно голос матери знакомит ребенка с особенностями родного языка, ее песни, адресованные младенцу, наполнены любовью и теплом. Особенностью *материнского жанра* является универсальность его прагматики: колыбельная песня предназначена как для младенцев, только-только появившихся на свет, так и для детей, уже освоивших родную речь.

Вербальный код материнской поэзии убаюкивания, благодаря семантической нагрузке модусных категорий текста, эксплицирует не только *доминантную мотивацию речевого акта* – убаюкивание ребенка, но и является *проекцией социальной нормы – ценностных установок*.

Жанрово ограниченные междометия *баю-баю-баюшки, люли-люлюшки, байки-побайки* благодаря деривационной модели проявляют имплицитную семантику чувства нежности и любви говорящего к адресату. Эмотивная связь между участниками жанровой коммуникации выстраивается, главным образом, благодаря эмотивной окраске текста: «*Ты расти-расти, дитя, / Только есть у ты добра - / Родна матушка одна. / С тобой водится она, / Беспокоится сама. / Да повырастит тебя / В удалого молодца: / В чисто поле – севца, / В озерышко – ловца, / Во лесочке – секарька, / На гумешко – молотить, / Под окном дрова пилить*» (Элиаш, 1960: 136).

В приведенном фрагменте фольклорной колыбельной категория эмотивности включает в себя как собственно экспрессивную эмотивную лексику (*беспокоится*), так и лексемы, в значениях которых эмоциональность присутствует как коннотация (*добра, родна, удалого*). Категория оценочности позволяет транслировать в тексте так называемые формулы «заговора на счастье», характерные для колыбельной песни как для производного жанра заговорной поэзии (*чисто поле, озерышко, секарька, лесочке, гумешко*). Аксиологическая составляющая изображаемых событий будущего эксплицируется посредством эпитетов (*чисто поле, удалого молодца*), диминутивных аффиксов (*-ышк-, -оч-, -к-, -ешк-*). Для исполнителя песни очевидна ценность трудового будущего ребенка («*В чисто поле – севца, в озерышко – ловца, в лесочке – секарька, на гумешко – молотить, под окном дрова пилить*»), его физическое здоровье (*расти-расти, повырастит*) (Там же).

Одно из центральных мест в ценностно-смысловом аспекте мировосприятия славян занимает понятие «семья».

Национальная картина мира, транслируемая в тексте народной колыбельной, актуализирует в большей степени модели взаимодействия членов одной семьи. Этим объясняется тот факт, что в народных текстах преобладают лексико-семантические группы обозначения степени родства, внутрисемейных отношений (*батя, отец, тятя, мама, мамушка, мамка, бабушка, братец* и т.д.). Колыбельная песня формирует положительные коллективные стереотипы, организующие отношения внутри семьи: уважение к старшему поколению, добросовестное отношение к труду, забота о младших членах семьи. Конечно, необходимо отметить, что подобные эксплицитные проявления аксиологических моделей поведения способен «считать» ребенок, уже понимающий родную речь. Для младенца же, еще не различающего отдельные слова в речевом потоке, текст материнской песни очень важен как первый вербальный контакт с окружающим миром. Уже на эмоционально-эстетическом уровне колыбельная песня позволяет познакомить ребенка с национальными ценностями и нравственными ориентирами.

Аксиологический вектор в текстах народных колыбельных песен в немалой степени ориентирован пространственно-временными границами. Отметим, что в рамках жанра безопасным является то пространство, которое обозначено в пределах дома, семьи, детской кроватки. Именно в границах «своего мира» жизнь младенца представляется гармоничной, соответствующей норме.

Интересно, что именно кроватка (*зыбка, качуля, колыбель, люля*) с ребенком является центром внутритекстовой коммуникативной ситуации жанра колыбельной. Детская люлька – первое место нахождения младенца, оно должно быть безопасным и комфортным. Именно поэтому колыбель в песнях получает развернутую характеристику, она описывается как средоточие красоты, достатка и гармонии): *«Зыбочка дубовая, / Огибочка шелковая. / На высоком*

столбу, / На точёном брусу, / На серебряном крюку. / Ремни бархатные, / Колечки витые, / Пробойцы золотые. / Под холщовым положком / Сон Алёшеньку нашёл» (Кузюлев, 2005: 122). Многочисленные эпитеты и определения, описывающие красоту и богатство убранства кроватки для младенца, свидетельствуют об особой значимости внешнего вида люльки, поющему важно отметить, что младенцу в кроватке тепло, комфортно и безопасно.

Нарушение границ и выход за рамки «своего» пространства, по законам народного жанра, приводит к разрушению состояния покоя, гармонии. Более того, ребенок, оказавшийся за пределами безопасного мира, охраняемого родными, оказывается уязвимым для злых духов, которые, согласно славянскому мировосприятию, охотятся за незащитными младенцами: *«Не ходи-ко на тот край, / Под своим окном играй. / В том краю собачки злые, / Есть ребятки боевые, / Набьют батожками, / Закидают камушками»* (Кузюлев, 2005: 12). Таким образом, пространственно-временные координаты, воплощенные в тексте колыбельной песни, наполнены аксиологическим содержанием. Бинарная система мироустройства, основанная на категориях «свой – чужой», «внутренний – внешний», «домашний – дикий», «близкий – далекий», «родной – неродной», дает представление о коллективной норме, о ценностях и традициях нации.

Актуализированное в тексте материнской песни понятие «время» также создает условия формирования ценностно-ориентированной системы мироустройства, постигаемой слушающим.

Во-первых, время в колыбельной представлено циклически, как бинарная система противопоставления «день-ночь». При этом ночное время суток получает отрицательные коннотативные смыслы, ночь связана с опасностью для ребенка: *«Баю, баю, маленький брат. / Время темное еще, / Время раннее еще, / Ты не бойся ничего»* (Кузюлев, 2005: 40), – раздается над детской кроваткой.

Во-вторых, категория времени в колыбельной песне транслирует представления о жизненном пути человека: рождение, взросление, смерть. Этапы социализации, взросления младенца становятся сюжетными элементами песни, рассказывающей о предстоящих событиях: освоение ремесла, создание собственной семьи, призыв в армию и т. д. Частотным мотивом колыбельной является обращение к будущему ребенка.

Оценочная характеристика элементов временной триады «прошлое – настоящее – будущее» не однозначна. Так, будущее ребенка может быть гармоничным, благополучным, а может быть несчастным: *«Брат сестру качает, / Тихо напевает: / «Когда будешь большая / Отдадут тебя замуж / В сторонуху чужую, / Во семью во большую. / Мужики там все злые, / Топорами секутся»* (Науменко, 1998: 192) или *«Баю-баюшки-бай-бай, / Поскорее вырастай, / Поскорее вырастай, / Ко работе привыкай. / Баю-баюшки-бай-бай, / Когда вырастешь большой, / Пойдешь в поле за сохой, / Будешь сеять и косить, / Будешь хлебы молотить, / Баю-баюшки-бай-бай, / Спи, мой Ваня, засытай»* (Там же: 193).

Существует мнение ученых о том, что мотивы счастливой и благополучной будущей жизни ребенка – это реакция на реальную действительность, не соответствующую стандартным представлениям о счастье (Мартынова, 1975: 145-156). Адресант верит в возможность претворения придуманного сюжета и создает для ребенка песни о прекрасном будущем. Прогностические мотивы колыбельных песен проанализированы в трудах В.В. Головина. Исследователь отмечает важный аспект славянского мировосприятия – веру в сакральную силу вербализации мыслей. Каждое произнесенное слово может моделировать реальность, следовательно, и текст колыбельной песни, подобно заговору, прогнозирует, «заговаривает» счастливое будущее (Головин, 2000: 104).

Жанровая структура народного заговорного текста также имеет своей целью

языковое воздействие на адресата в определенной коммуникативной ситуации, но элементы коммуникативного акта заговора отличаются от соответствующих элементов коммуникативного акта колыбельной. Адресант здесь – знахарка, которая «программирует» для ребенка не судьбу, а здоровье.

Если колыбельная песня является примером «прототипического» жанра детского фольклора, то жанр народного заговора связан с воздействием на детское сознание опосредованно, тематически. Детская тематика народных заговоров представлена группой текстов, связанных со здоровьем, точнее, с выздоровлением. В сборнике заклинаний Л.Н. Майкова 1869 года в разделе «Здоровье и болезни» зафиксированы следующие заговоры для детей: над новорожденным, при отнятии ребенка от груди, от бессонницы (полуночницы) младенца (см.: Майков, 1869). Адресатом коммуникативного воздействия в первых текстах является младенец, в остальных – недуг, который мешает ребенку заснуть. Основная цель коммуникативного воздействия заговоров зачастую сформулирована эксплицитно, в конкретных названиях текстов. Например, наименование «Заговор от укуса пчелы» прямо указывает на то, какого результата намерен достичь говорящий.

Обратимся к первому тексту – «Над новорожденным»:

После родов, выпарив родильницу в бане, повитуха парит и новорожденного, приговаривая:

Бабушка Соломоньюшка Христа парила да и нам парку оставила. Господи благослови! Ручки, растите, толстейте, ядренейте; ножки, ходите, свое тело носите; язык, говори, свою голову корми. Бабушка Соломоньюшка парила и правила, у Бога милости просила. Не будь седун, будь ходун; банюшки-паруши слушай: пар да баня да вольное дело! Банюшки да воды слушай. Не слушай ни уроков, ни причищев, ни урочищев, не от худых, не от добрых, не от девок пустоволосок. Живи да толстей да ядреней (Майков, 1869: 31).

Начало текста описывает действия, совершаемые заговаривающим. Одновременно с действием произносятся слова, программирующие младенца быть здоровым. Заклинание предполагает совершение чуда, соответственно, в нем перекликаются элементы религиозной и языческой картин мира. Так, имя повитухи *Саломеи*, принявшей роды у Богородицы, упоминание которого, по преданию, должно защитить ребенка от порчи, зла, болезней, соседствует с традиционными для языческой картины мира элементами, где все одушевляется и каждый элемент человеческого организма должен выполнять свою роль: ручки, ножки, язык. Это предложение содержит представление народа о том, каким должен быть здоровый ребенок. Образ крепких рук создается разговорным глаголом *ядренейте*, здоровые ноги обязательно должны *ходить*, язык в представлении народа является тем, что «кормит» человека, то есть благодаря умению говорить у ребенка в будущем должна быть работа, а, значит, и пища. Таким образом, ценность общения осознавалась коллективным разумом.

Следующее предложение вновь управляет говорящего к религиозному сюжету, воспроизводя таким способом речь от лица повитухи Христа: Соломоньюшка парила и правила, у Бога милости просила. Затем для закрепления намерения используются антонимы *не будь седун, будь ходун; не от худых, не от добрых* и выражаются последние наставления: каким быть, кого слушать, а кого не слушать. Закрепа в финале подытоживает первое выражение намерения: *живи да толстей да ядреней*.

Итак, известен адресант данного заговорного текста – повитуха, которая омывает ребенка. Ритуальная составляющая – омовение младенца, которое берет начало в библейском сюжете. Адресатом коммуникативного воздействия является ребенок. Намерение выражается в многочисленных описаниях, повторах того, каким хотят видеть ребенка. Закладывается своего рода

«программа здоровья» на дальнейшее взросление.

Еще один специфический заговор для новорожденного также включает пожелание того, каким ему нужно быть, зачитывается также во время омовения. Бабы парят новорожденного, приговаривая:

Спи по дням, расти по часам. То твое дело, то твоя работа, кручина и забота. Давай матери спать, давай работать. Не слушай – где курицы кудахчут, слушай пенья церковного да звону колокольного (Майков, 1869: 32).

Заговор начинается с выражения намерения приказа в повелительном наклонении: *Спи по дням, расти по часам*. Затем уточняется, что сон и активный рост для ребенка является тем, чем ему «положено заниматься» по возрасту: работа, кручина, забота. Данные существительные используются в контексте заклинания как синонимы. Последующие конструкции также выражают описание повеления разговорной формой глагола «дать»: *Давай матери спать, давай работать*. Здесь выражена одна из важных составляющих жизни женщины из народа – желание успеть отдохнуть в перерыве между заботой о ребенке и тяжелым трудом. И, наконец, последнее предложение текста приказывает ребенку не отвлекаться на звонкие «некрасивые» звуки: *не слушай – где курицы кудахчут*. В противовес этим звукам в качестве ассоциации возникает церковное пение и колокольный звон как наиболее благоприятные мелодии для сна младенца, что также управляет нас к религиозной картине мира.

Так среди текстов народных заговоров, имеющих целью языковое воздействие на ребенка как адресата сообщаемого, выделяются тексты для новорожденных. При помощи выражения волеизъявления адресанта создается «программа» будущего здоровья ребенка и его поведения. Возникают образы, которые, по поверьям, должны помочь защитить ребенка – бабушка Соломоньюшка и Господь. Кроме того, ребенку в речевой форме с выполне-

нием омывательных действий (а, как известно, действие подкрепляет сказанное) транслируются две картины мира, присутствующие русскому народному сознанию, – языческая и религиозная.

Безусловно, в отличие от непосредственно детских фольклорных жанров, заговорных текстов, посвященных детской теме, намного меньше. Однако, являясь одним из наиболее прагматичных жанров, заклинание не обходит стороной такую важную тему, как детство. Если сопоставить форму выражения намерения заговорного текста с текстами других жанров, то на передний план выйдет его явная черта – повеление, приказ, который лишь изредка «смягчается» словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами. В качестве сравнения вспомним сказки, в которых индизнаказательно, зачастую скрыто, выражаются воспитательные функции.

Заключение

Значимость детского фольклора сложно переоценить – это касается и его роли в жизни отдельной личности, и его места в народной поэзии в целом. Детский фольклорный текст, представленный богатой палитрой жанров, среди которых потешки, прибаутки, заклички, считалки, сечки, сказки, песни, и сегодня продолжает радовать, воспитывать, развивать детей. Именно в детских фольклорных текстах заложены основные элементы национальной картины мира, постижение которых позволит ребенку существовать в ценностно-аксиологическом пространстве родной культуры. Сохраняя глубинные исторические связи между поколениями и преемственность их культурных приоритетов и ценностей, жанры детского фольклора передают духовные, нравственные и эстетические ценности как результаты познания мира, закрепляемые в языковых образах и коммуникативном опыте человека.

Литература

Алексеева, Д.А. Семейный обрядовый фольклор как часть обрядового фольклора //

Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве: мат-лы заочной IX Междунар. науч.-практич. конференции, г. Москва, 22 октября 2018 г. М.: Изд-во Моск. педагогич. гос. ун-та, 2019. С. 187-190.

Ахметова, Л.А. Педагогический потенциал концепта «природа» в традиционном песенном фольклоре народов Поволжья // Искусство и художественное образование в контексте межкультурного взаимодействия: материалы VI Междунар. науч.-практич. конф., г. Казань, 20 октября 2017 г. Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) федерального ун-та, 2017. С. 163-166.

Власова, Г.И. Поздравительные праздничные тексты как жанр классического фольклора и интернет-фольклора // Медиатения СКФУ: Мат-лы Третьей Междунар. науч.-практич. конф. (Ставрополь, 23–25 мая 2019 г.) / отв. ред. О.И. Лепилкина, А.М. Горбачев, Н.Н. Борисенко, Д.А. Шевцова. Ставрополь: Сервисшкола, 2019. С. 224-227.

Голованов, И.А. «Красота» по-русски: интерпретация концепта в традиционном фольклорном тексте // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. № 11. С. 122-124.

Головин, В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Åbo Akademi University Press, 2000. 451 с.

Замалетдинов, Р.Р. Национально-языковая картина татарского мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. Казань, 2004. 40 с.

Ильина, Е.Н., Карпова, В.В. Концепт ЧУДО в вологодской волшебной сказке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 147-156.

Кассирер, Э.А. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.-СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.

Кузюлев, Н.Н. Песни нашего края: лингвофольклорная хрестоматия / под общ. ред. С.А. Кошарной. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 180 с.

Майков, Л.Н. Великорусские заклинания. СПб.: тип. Майкова, 1869. 164 с.

Мартынова, А.Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 15. Социальный протест в народной поэзии. М.-Л.: Наука, 1975. С. 145-156.

Мухамадиева, Д.М. Коммуникативное пространство традиционной колыбельной

песни: на материале русских, татарских, украинских, казахских и немецких колыбельных песен Тюменской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2006. 19 с.

Науменко, Г.М. Этнография детства: сборник фольклорных и этнографических материалов. М.: Беловодье, 1998. 390 с.

Никитина, С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка: культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 117-128.

Остин, Д. Как производить действия при помощи слов / Пер. с англ. яз. В.П. Руднева; Смысл и сенсibiliи / Пер. с англ. яз. Л.Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуал. кн.: Идея-Пресс, 1999. 329 с.

Урумашвили, Е.В. Прагматические аспекты анализа художественного текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 2 (46). С. 40-44.

Чумак-Жунь, И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Белгород, 2009а. 38 с.

Чумак-Жунь, И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков: моногр. Белгород: Белг. гос. ун-тет, 2009б. 244 с.

Элиаш, Н.М. Народные песни Белгородской области / сост. Н.М. Элиаш и Л.Г. Улановская. Белгород: Кн. изд-во, 1960. 180 с.

References

Akhmetova, L.A. (2017), "The pedagogical potential of the concept of "nature" in the traditional song folklore of the peoples of the Volga region", *Iskusstvo i khudozhestvennoe obrazovanie v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodeystviya: materialy VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Art and art education in the context of intercultural interaction: materials of the VI International scientific and practical conference], 163-166, Kazan, Russia (in Russ.).

Alekseeva, D. A. (2019), "Family ceremonial folklore as part of ceremonial folklore", *Traditsii i innovatsii v sovremennom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve: materialy zaochnoy IX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Traditions and innovations in the modern cultural and educational space: materials of the cor-

respondence IX International Scientific and Practical conference], 187-190, Moscow, Russia (in Russ.).

Austin, J. (1999), *Kak proizvodit' deystviya pri pomoschi slov* [How to do things with words], Transl. by Rudneva, V.P., *Smysl i sensibili* [Sens and sensibilia], Translated by Makeeva, L.B., *Dom intellektual'noy knigi: Ideya-Press* Moscow, Russia (in Russ.).

Cassirer, E. (2002), *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 1. Yazyk* [Philosophy of symbolic forms. Volume 1. Language.], *Universitetskaya kniga*, Moscow, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Chumak-Zhun', I. I. (2009a), *Discursive Space of Poetic Text: a Figurative Word in the Russian Lyrics of late XVIII – early XXI centuries*, extended abstract of Doctor's thesis, Philology, Belgorod, Russia (in Russ.).

Chumak-Zhun', I. I. (2009b), *Poeticheskiy tekst v russkom liricheskom diskurse kontsa XVIII – nachala XXI vekov* [Poetic Text in the Russian Lyric Discourse of Late 18th – Early 21st Centuries], Belgorod, Russia (in Russ.).

Eliash, N. M. (1970), *Narodnye pesni Belgorodskoy oblasti* [Folk songs of the Belgorod region], *Knizhnoe izdatel'stvo*, Belgorod, Russia (in Russ.).

Golovanov, I. A. (2015), "Beauty" in Russian: interpretation of the concept in a traditional folklore text", *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika* [Translation and comparative linguistics], 11, 122-124 (in Russ.).

Golovin, V. V. (2000), *Russkaya kolybel'naya pesnya v fol'klоре i literature* [Russian lullaby song in folklore and literature], *Turku*, Finland (in Russ.).

Il'ina, E. N. and Karpova, V. V. (2019), "The concept of "Miracle" in the Vologda fairy tale", *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2, 147-156. (in Russ.).

Kuzyulev, N. N. (2005), *Pesni nashego kraja: lingvofol'klornaya khrestomatiya* [Songs of our region: linguofolclory anthology], *BSU Publishing House*, Belgorod, Russia (in Russ.).

Maikov, L. N. (1869), *Velikorusskie zaklinaniya* [Russian spells], *Maykov printing house*, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Martynova, A. N. (1975), "Reflection of reality in a peasant lullaby", *Russkiy folklor: sotsial'niy protest v narodnoy poezii* [Russian folklore: social protest in folk poetry], 15, 145-156 (in Russ.).

Mukhamadieva, D. M. (2006), The communicative space of a traditional lullaby: based on the material of Russian, Tatar, Ukrainian, Kazakh and German lullabies of the Tyumen region, Abstract of Ph.D. dissertation, Philology, Saratov, Russia (in Russ.).

Naumenko, G. M. (1998), *Etnografiya detstva: sbornik fol'klornykh i etnograficheskikh materialov* [Ethnography of childhood: collection of folklore and ethnographic materials], Belovod'e, Moscow, Russia (in Russ.).

Nikitina, S.E. (1991), "About conceptual analysis in folk culture", *Logicheskiy analiz yazyka: kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of the language: cultural concepts], Nauka, Moscow, 117-123 (in Russ.).

Urumashvili, E.V. (2010), "Pragmatic aspects of literary text analysis", *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University], 2 (46), 40-44 (in Russ.).

Vlasova, G. I. (2019), "Congratulatory holiday texts as a genre of classical folklore and Internet folklore", *Mediachteniya* [Media Readings], 224-227, Stavropol, Russia (in Russ.).

Zamaletdinov, R. R. (2004), *Natsional'no-yazykovaya kartina tatarskogo mira*. [The national-linguistic picture of the Tatar world] (Extended abstract of D.Sc. Thesis, Philology), Kazan (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой

русского языка и русской литературы, Историко-филологический факультет, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; chumak@bsu.edu.ru

Ковалева Светлана Викторовна, аспирант кафедры русского языка и русской литературы, Историко-филологический факультет, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; Savvina_S@bsu.edu.ru

Саенко Марина Ивановна, аспирант кафедры русского языка и русской литературы, Историко-филологический факультет, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; marina.saenko.95@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Irina. I. Chumak-Zhun, Doctor of Philology, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of History and Philology, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., 308015, Belgorod, Russia; chumak@bsu.edu.ru

Svetlana V. Kovalyova, Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Russian Literature, Faculty of History and Philology, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., 308015, Belgorod, Russia; Savvina_S@bsu.edu.ru

Marina I. Saenko, Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Russian Literature, Faculty of History and Philology, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., 308015, Belgorod, Russia; marina.saenko.95@mail.ru